

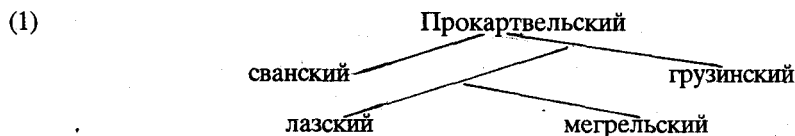
© 1995 г. К.Х. ШМИДТ

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОТОКАРТВЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Основой для реконструкции картвельского праязыка (так называемого протокартвельского) является совокупность дошедших до нас картвельских традиций. Они включают как сохранившиеся со времен античности фрагменты [1], среди них прежде всего переданная греческими и латинскими авторами ономастика, так и данные четырех картвельских языков – грузинского, мегрельского, лазского и сванского из которых грузинский занимал в культурно-историческом плане особое положение. По своим литературным источникам, которые берут свое начало в V в., грузинский язык является единственным языком, располагающим непрерывной традицией не только среди картвельских, но и среди палео- и иберийско-кавказских языков в целом. Наряду с индоевропейским армянским языком и вымершим в XIII в. кавказским албанским он представляет собой один из трех христианских литературных языков Кавказа с собственной системой письма [2–3].

В отличие от грузинского, сванскому, лазскому и мегрельскому не достает традиции передачи из поколения в поколение письменных свидетельств, традиции, обозначенной ниже как абсолютная хронология. Тем не менее и сванский обнаруживает целый ряд архаичных признаков, которые обусловлены его ранним выделением из протокартвельского. Консервативный характер сванского, в котором отсутствует традиция, объясняется относительной хронологией, т.е. статусом маргинального языка, определенного А. Мейе по отношению к области индоевропейских языков следующим образом: "Языки, распространенные на периферии индоевропейской территории, вполне могли быть занесены туда колонистами, которые первыми отделились от цельной индоевропейской нации и вследствие этого могли сохранить языковые архаизмы, не известные колонистам, говорившим на языках центральных районов, для которых характерно продолжение традиции" [4].

Построенное Г. Деетерсом родословное древо [5] хорошо известно:

Оно предполагает две теории: 1. Уже упомянутую теорию о раннем обособлении сванского от протокартвельского; 2. Теорию о периоде грузинско-занской языковой общности, последовавшей после отделения от них сванского (термин "занский" употреблен нами здесь как общее название, под которым объединяются мегрельский и лазский).

Из этих двух теорий вытекают два возможных следствия для интерпретации внутрикартвельских изоглосс: (а) грузинско-сванские или занско-сванские общности объясняются принципиально как общее наследие, реже как результат конвергентного развития; (б) грузинско-занские общности, к которым не причастен сванский, отражают как правило, инновации, которые образовались после того, как отделился сванский, но

которые тоже могут восходить к общему наследию (утраченному в сванском). В первом из названных случаев они соответствуют принципу, сформулированному А. Лескином [Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen (Leipzig, 1876; последующее издание 1963), XIII]: "Критерии тесного родства можно обнаружить только в случае, если будут найдены реальные соответствия в рассматриваемых языках, причем эти соответствия должны представлять собой отклонения от других языков".

На фоне этой модели членения языка-основы процесс реконструкции ставит себе целью раскрыть во всех частях системы (фонология, морфонология, морфология, синтаксис и словообразование) тот протокартвельский язык, который предшествовал четырем исторически засвидетельствованным языкам-преемникам. В основе этого подхода лежат четыре операции, из которых две первые служат анализу материала, в то время как в итоге третьей и четвертой делаются дальнейшие выводы на основании проведенного анализа: 1. Дифференциация между архаизмом и инновацией и классификация архаизмов; 2. Анализ трансформаций, посредством которых совершился переход от реконструированной протокартвельской модели к исторически засвидетельствованным языкам-преемникам; 3. Попытка определения протокартвельского как трансформированного предкартвельского; 4. Интерпретация предкартвельского / протокартвельского с историко-генетической, лингво-географической и типологической точек зрения.

Операции 3 и 4 не могут быть нами освещены, т.к. рамки статьи не позволяют этого сделать; отметим лишь, что к области операции 3 относится, например, проблема различных падежных отношений в системах транзитивного аориста, презенса и перфекта, в то время как область операции 4 включает среди прочих проблему раннеисторических контактов [6–9]. Напротив, иллюстрации операций 1 и 2 следуют ниже на конкретном материале картвельских языков.

Дифференциация архаизмов и инноваций с классификацией архаизмов. Как установил Е. Бенвенист [10], процесс идентификации является основополагающим критерием для доказательства генетического языкового родства: "никакое доказательство родства не может избежать этой процедуры, а классификация суммирует большое число таких существенных отождествлений с тем, чтобы каждому языку отвести свое место" [11]. Из этого принципа вытекает для реконструкции следующий сделанный мною вывод: "Идентификация элементов различных языков, имеющих общие моменты в форме и содержании, представляет собой необходимую предпосылку для реконструкции праязыка, в нашем случае протокартвельского" [11]. То что процесс реконструкции должен исходить из дифференциации между архаизмом и инновацией, показывают и приведенные выше научные положения Деетерса, Мейе и Лескина: родословное древо Деетерса включает раннее обособление сванского, который обнаруживает консервативные признаки, постулируемые А. Мейе для маргинальных языков, в то время как в грузинском и занском можно в соответствии с принципом Лескина ожидать ряд общих инноваций.

Для классификации архаизмов возможны следующие критерии:

а) Архаизм обусловлен абсолютной хронологией: показательным примером является древнегрузинский (дргруз.) по отношению к более поздним грузинским источникам и по отношению к трем новокартвельским языкам – сванскому, мегрельскому и лазскому. Архаичные черты древнегрузинского известны и были среди прочих рассмотрены А. Чикобавой, И. Кавтарадзе, З. Сарджвеладзе и А. Хэррис [12–16, ср. 17]. Для иллюстрации приведу некоторые примеры:

(2)

а) $q + x > x$: дргруз. *qan-* "пахать", *gar-i* "бык" > нгруз. *xan-*, *xar-i*: зан. *xon-*, *xoʒ-i*, сван. *qan'*, *qan*; б) имена собственные в номинативе, эргативе и вокативе не изменяются; в) сохранилась категория инклюзива/эксклюзива у личного префикса 1-го л. множ. ч., соотношенного с объектом: *gu : m : puri ese čueni arsobisaj tomes čuen dyes Tòv ḁrtov ḁmōv tòn ḁpióciōv dōs ḁmīv sḁmerov* Mt. 6, 11; г) сохранился

Aspect flexionnel (термин Хольта [18]); д) тмезис: *xolo aγ-raj-dga* Mc 16, 9 ἀναστὰς δὲ. б) архаизм обусловлен относительной хронологией. Показательным примером является сванский, который сохранил эквиваленты для древнегрузинских архаизмов, приведенных в № (2) [кроме пункта (г)]:

(3)

а) *qan-*, *qan*; б) *Abram*, *Simon* [19]; в) инклюзив/эксклюзив: сванск. *gwišgwe* "наш" / *nišgwe*; личные префиксы, соотнесенные с субъектом *l-/xw-*; *l-a-sq̄id* "мы делаем" / *xw-a-sq̄id*; соотнесенные с объектом *gw-/n-*; г) Aspect flexionnel, сохранившийся частично: верхнебальский *aq̄ni* "он пашет": *aq̄n-uni* "он будет пахать": *ad-q̄āni* "он запашет" (ср. также лазск. *b-zuma-re* "я померю", хопск. *b-zima-minon* как производные от проспективного конъюнктива II), супплетивные парадигмы: презенс *itre* "ест", *izbi* "пьет": аорист *la-iš* (*la-l-əš*), *la-l-ēm*; д) тмезис: *mi sga lok oṭšqedni qarqte* "я, сказал он, брошусь ему в пасть" [19–20; 11].

Только в сванском сохраняются архаизмы е) эргатив-трансформатив и ё) отсутствие единого способа образования имперфекта: эргатив-трансформатив является вариантом полифункционального эргатива, совмещающего функции и другого падежа (термин И.И. Мещанинова [21]), который в определенной области сванской грамматики сохранился как комплексный падеж с функциями эргатива и трансформатива и принадлежит, по Г. Топуриа [22–24], к более широкой области палеоэргатива. Отсутствие единого способа образования имперфекта представлено в № 4 [25–26].

(4)

1. Бессуффиксальный тип (верхнебальск., лент.) *tex-en-i* "возвращается": имперф. *tex-en*; 2. Тип с суффиксом -а (все диалекты): *lašx. amār-e* "готовит": имперф. *amār-a*; 3. Тип с суффиксом -d: нижнебальск. (лазам.) *ar-d* "он был", *sgur-d* "он сидел"; 4. -n (-ən, ān, -on) тип с суффиксом -n (...): верхнебальск. *xalaṭ* "он любит": имперф. *xalaṭ-ən(da)*; 5. Тип с суффиксом -ol: верхнебальск. *imāri* "его готовят": имперф. *imār-ol(da)*; 6. Тип с суффиксом -w (нижнебальск.) *ašx̄ti* "он ставит плетень" ... : имперф. *ašx̄ti-w*.

Соответствующий этому сванскому состоянию с шестью комплементарно распределенными классами грузинско-занский способ образования имперфекта с помощью суффикса -d был уже определен Г. Мачавариани [25, с. 216] как вторичное явление и как общая инновация грузинско-занского.

с) Архаизм соответствует типологическим принципам, выходящим за пределы картвельского.

Тот факт, что в случае только что упомянутых грамматических архаизмов речь идет и о типологически древних упорядочениях, которые в процессе развития языка – большей частью по причинам экономии, парадигматического выравнивания или выравнивания по аналогии – были упрощены или соответственно утрачены, доказываются материалами внешнекартвельского сравнения. Так, например, архаичное поведение имен собственных (№ 2/3 б) находит внутри и за пределами Кавказа подтверждение. Правило: "Собственные имена обычно не имеют именительного и эргативного падежей" [27] характеризует не только западнокавказский адыгейский язык. Конструкцию имен собственных в *casus indefinitus* можно, несомненно, найти и в других языковых семьях, например, в предысторическом индоевропейском, где "Vocativus-Commemorativus" хеттской грамматики – с немаркированным коммеморативом для обозначения "Nenn- und Erwähnfunktion" (функции называния и упоминания) [28] мог бы интерпретироваться как контекстуально связанный реликт этого древнего упорядочения:

(5)

m̄Hu-uz-zi-ja ŠUM-ŠU "Хуция его имя"

Другим архаизмом является aspect flexionnel, который формально основывается на оппозиции перфективной системы аориста и имперфективной системы презенса и функционально обозначает дифференциацию между точкой и линией (точечное и

линейное видовое значение). В новокартвельских языках он замещается aspect syntagmatique. Типологически с aspect flexionnel сопоставляется древнегреческая видовая система, которая еще довольно близка к предтемпоральной категории индоевропейского инъюнктива. Следует особо указать на вневременную и гномическую функцию древнегрузинского пермансива, который является производным от основы аориста и имеет свое точное типологическое соответствие в гномическом аористе классического греческого:

(6)

аор. *mo-kl-a* "он убил": пермансив *mo-kl-i-s*: конъюнктив-футур. II *mo-kl-a-s*: импер. II *mo-kl-n*: ὅς κε θεοῖς ἐπιλείθεται, μάλα τέκλυον αὐτοῦ (II. 1, 218), "Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют" (в переводе Н.И. Гнедича).

Aspect syntagmatique новокартвельских языков, напротив, формально основывается на глагольной композиции и функционально обозначает завершение действия, явление, напоминающее типологически более поздние видовые системы индоевропейских языков (как, например, в русском или осетинском). В связи с тмезисом Деетерс указал на индоевропейские параллели, которые объясняются законом Вакернагеля IF 1, 1892 [29].

(7)

др.-ирл. *ó do-m-anicc foirbthetu* Wb 12^x, 9 "da die Vollendung zu mir gekommen ist", др.-лат. *ob vos sacro* "obsecro vos", *sub vos placo* "supplico vos" Fest. 190, 309; греч. πρό μ' ἔπεμψε ἄναξ ἄνδρῶν Ἀγαμέμνων A 442; вед. *sam mā tapanti* RV 1, 105, 8 "sie quälen mich", хет. *n(u)-an-pešta* "er gab ihn"; осет. (дигорский диалект) *æra-sæ-forsta* "спросил он их".

В качестве последнего архаизма следует прокомментировать сванский эргатив-трансформатив на *-(a)d* (3e). В грузинском и занском аналогичная форма ограничена функцией трансформатива. Причиной для этого функционального сужения послужило развитие новых морфем с эргативной функцией (дргроз. *-tan*, занск. *-k*). Обусловленное этим воздействием раздвоение комплексного эргатива-трансформатива соответствует принципу, сформулированному Е. Куриловичем, — "вытеснение или замещение одного морфа другим только в его первичной или вторичной функции" [30]. Как установил Г. Топурия, засвидетельствованная только для сванского комбинация эргатива и трансформатива является «редкой разновидностью "совпадающего" эргатива» иберийско-кавказских языков, если ее сравнить с остальными вариантами:

(8)

а) эргатив-номинатив: местоимения 1-го и 2-го лица; б) эргатив-генитив (-инструменталис); в) эргатив-локатив; г) эргатив-трансформатив; д) эргатив-инструменталис (наиболее распространенный).

Тем не менее сванский эргатив-трансформатив превосходит грузинские и занские новообразования для эргатива по возрасту, как это доказывается двумя фактами: 1) типологическими параллелями эргатива, совмещающего и функции другого падежа (см. № 8); 2) появлением порознь эргатива самостоятельного в грузинском и занском.

д) Архаизм основывается на внутренней реконструкции

На уровне фонологии следует выделить обнаруженную Г. Гамкрелидзе и Г. Мачавариани [31] систему аблаута, например:

(9)

сван. *qed-ni* "он идет" < *qed-en-i* < **qd-en-i*: аорист Sg. 1, 2, 3 *onqwed* < **an-w-qed*, *an-qed*, *an-qad* < **an-qad-a* < **an-qeda* (ассимиляция) < **an-qd-a* (аналогия).

На этом можем и перейти к процедуре реконструкции № 2 – к представлению и классификации трансформаций, в которых осуществился переход от реконструированной протокартвельской модели к исторически засвидетельствованным языкам-потомкам. Речь идет при этой процедуре, так сказать, о возврате к № 1, к диф-

ференциации между архаизмом и инновацией. При этом архаизм предполагается в данном случае как известный и берется как исходный пункт по отношению к произошедшим в языках-потомках трансформациям. На основе этого принципа сохранившиеся порознь в языках архаизмы не требуют комментариев (ср., например, приведенный в пунктах № 2 и № 3 древнегрузинский и сванский материал). Интересно, что идентификация результатов двух совершенно различных трансформаций может привести к реконструкции одного и того же архаизма. Классическим, много раз не признанным примером из области картвельских языков являются сравнения, в которых грузинскому (и занскому) *s* в сванском соответствует *l*:

(10)

префиксы: груз. *sa-*, *si-*; сван. *la-*, *li-*; сравнения слов: др. груз. *sže* "молоко": *ləže*; др. груз. *stvaj* "прясть": *li-lte* (корень **let*).

Попытка возвести результаты трансформаций *s* и *l* к латеральному была предпринята К. Боуда на основе типологических параллелей из других языковых областей, включая западнокавказскую [5, с. 78].

Принципиально со скепсисом следует рассматривать подход к проблеме с позиций конвергирующих трансформаций, который не согласуется с моделью членения праязыка по Деетерсу. Это особенно касается теории Мачавариани относительно объяснения картвельских аффрикат и сибилантов:

(11)

1. передний ряд (свистящие)	*z s ʒ c ɕ
2. средний ряд (свистящие-шипящие)	*z ₁ s ₁ ʒ ₁ c ₁ ɕ ₁
3. задний ряд (шипящие)	*(ʒ) ʃ ʒ̣ ɕ̣ ɕ̣̣

Согласно этой теории, занский и сванский совпадают в отличие от грузинского, что противоречит модели членения праязыка (№ 1). А. Хэррис [16, с. 21, прим. 9] недавно процитировала решение, предложенное Мачавариани: "Общепринято считать, что грузинский и занский, в отличие от сванского и занского, образуют отдельную подгруппу; однако вытекающая из этой гипотезы общность языковых процессов в сванском и занском требует специального объяснения. Это объяснение состоит в том, что задолго до наиболее раннего разделения этой семьи существовали различия между западным и восточным диалектными ареалами, причем первый из них (позднее сванский и занский) характеризовался переходами *ʒ > ʒk и *s₁ > ʃ. Восточный диалект (позднее грузинский) характеризовался слиянием серий *s* и *s₁* в единую серию. Таким образом, объясняется существование пар, которые являются гомофонными в грузинском, но различны в занском".

Отличная от Мачавариани и предпочитаемая мною реконструкция среднего и заднего ряда:

(12)

1. *z	s	ʒ	c	ɕ
2. *ʒ̣	ʃ	ʒ̣̣	ɕ̣̣	ɕ̣̣̣
3. [*ʒ̣ g]	ʃ	ʒ̣g	ɕ̣k	ɕ̣̣k

может быть трижды подкреплена: 1) реальной ситуацией в свете имеющихся материалов по занскому и сванскому; 2) моделью членения праязыка по Деетерсу (в соответствии с которой занский и с незначительными модификациями сванский сохраняют древнее состояние, в то время как после обособления сванского от занского и грузинского следует трансформация грузинского) и, наконец, 3) типологическими аргументами. Теория Мачавариани, напротив, предполагает ареальное – с ограничением во времени – разделение на западнокартвельский (занско-сванский) и восточнокартвельский (грузинский), которое последовало после отделения сванского по модели Деетерса (№ 1). Это предположение остается, однако, пока маловероятным, точно так же, как постулируемое разделение на западные и восточные языки, что не может быть подтверждено никакими другими занско-сванскими инновациями сопоставимого возраста. Немногочисленные лексические

ИЗОГЛОССЫ:

(13)

сван. -*šāl* "как" (послелог): мегр. -*šoro*; сван. *li-šgd-i* "подобать; отважиться": мегр. *škidiri* "подобать"; сван. *ham* "утро": мегр. *ɕime* "завтра", *o-ɕim-ar-e* "утро" скорее объясняются сохранившимся общим наследием.

ВЫВОДЫ

Основой для реконструкции протокартвельского является совокупность картвельских традиций, в связи с чем древнегрузинский и сванский в силу их архаичности обладают особым весом. Из четырех операций процесса реконструкции были рассмотрены первые две – 1. Дифференциация архаизмов и инноваций с классификацией архаизмов; 2. Анализ трансформаций. Значение архаизмов подтверждено научными положениями Деетерса, Мейе и Лескина: раннее обособление сванского имплицитно его маргинальное положение и сохранение консервативных признаков, общие инновации в грузинском и занском. Установленные для древнегрузинского и сванского архаизмы подтверждаются и с точки зрения выходящей за пределы картвельских языков типологии. К трансформациям относятся наиболее трудные случаи, среди них свидетельства двух различных трансформационных итогов и проблема конвергирующих трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. I. Греческие писатели. СПб. 1904–1906.
2. Greppin J.A.C. The language of the Caucasian Albanians // *FoSl*. 1982. 5.
3. Schulze W. Die Sprache der Uden in Nord-Azerbaidžan. Wiesbaden, 1982. S. 279.
4. Meillet A. Esquisse d'une histoire de la langue latine. Paris. 1928. P. 16.
5. Schmidt K.-H. Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962. S. 13.
6. Schmidt K.-H. Die beiden antiken Iberiae, sprachwissenschaftlich gesehen // *KZ*. 1987. 100 (=Schmidt K.-H. The two ancient Iberias from the linguistic point of view // *Veleia*. 1987. № 2–3).
7. Schmidt K.-H. Zur relativen Chronologie in den Kartvelsprachen // *HS*. 1989, 102 (=Шмидт К.-Х. Относительная хронология в картвельских языках // *ВЯ*. 1989. № 4).
8. Schmidt K.-H. Die Kartvelischen Sprachen genetisch und typologisch gesehen // *HS*. 1989. Bd. 102.
9. Schmidt K.-H. Kartvelisch und Armenisch // *HS*. 1992. 105 (=Шмидт К.-Х. Картвельский и армянский // *ВЯ*. 1993. № 3).
10. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966. P. 102.
11. Шмидт К.-Х. Место сванского в семье картвельских языков // *ВЯ*. 1991. № 2. С. 5 (=Schmidt K.-H. Die Stellung der Svanischen innerhalb der Kartvelischen Sprachfamilie // *Studia Caucasica*. 1987. № 7).
12. Чикобава А. О древне- и новогрузинских компонентах в морфологической и синтаксической структуре языка *Verxis-tqaosani* (на груз. языке) // *КЕ*. 1966. Bd. 15.
13. Kawtaradze I. Der Entwicklungsweg der georgischen Literatursprache // *Georgien / Sakartwelo. Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität. Jena*. 1975. Bd 24.
14. Kawtaradze I. К истории основных категорий глагола в древнегрузинском. Тбилиси, 1954 (на груз. языке).
15. Сарджеладзе З. Введение в историю грузинского литературного языка. Тбилиси, 1984 (на груз. языке).
16. Harris A.C. Overview on the history of the Kartvelian languages // *The indigenous languages of the Caucasus / Ed. by Harris A.C. V. 1: The Kartvelian languages*. New York. 1991.
17. Schmidt K.H. Zur relativen Chronologie in den Kartvelsprachen // *HS*. 1989. Bd 102 (=Шмидт К.-Х. Относительная хронология и картвельские языки // *ВЯ*. 1989. № 4).
18. Holt J. Études d'aspect // *Acta Jutlandica*, 1943. № 15.
19. Чумбуридзе З. Склонение имен собственных в сванском языке (на груз. языке) // *ZKEKS*. 1964. V. 9.
20. Чумбуридзе З. Будущее время в сванском языке. Тбилиси, 1986. (на груз. языке). Тбилиси, 1986.
21. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов / Отв. ред. Жирмунский В.М. Л., 1967. С. 13.
22. Топуриа Г.В. Вопросы морфологии склонения в дагестанских языках // *ВЯ*. 1987. № 1.
23. Topuria G.V. Ergativ, Instrumentalis und die ergative Konstruktion // *Proceedings of the 14-th International Congress of linguistics*. Berlin, 1990.

24. *Topuria G.V.* Probleme der Deklination in den dagestanischen Sprachen // REGC. 1988. Bd 4.
25. *Мачавариани Г.* Имперфект в сванском языке и его позиция в системе спряжения в картвельских языках (на груз. языке) // ИКЕ. 1980. V. 22.
26. *Шмидт К.Х.* Об имперфекте в индоевропейских и картвельских языках // ВЯ. 1992. № 5.
27. *Розава Г.В., Керашова З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966. С. 63.
28. *Neu E.* Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen // Hethitisch und Indogermanisch // Hrsg. von Neu E., Meid W. Innsbruck, 1979.
29. *Schmidt K.-H.* Zur Tmesis in den Kartvelsprachen und ihren typologischen Parallelen in indogermanischen Sprachen // Юбилейный сборник, посвященный Г.С. Ахвледиани. Тбилиси, 1969.
30. *Kurylowicz J.* The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964. S. 14.
31. *Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965 (на груз. языке) = *Gamkrelidze Th.V., Mačavariani G.I.* Sonantensystem und Ablaut in den Kartvelsprachen. Tübingen. 1982.

Перевел с немецкого Г. Вернер